

УДК 81-139:378

Н. П. Иванова, Э. С. Свинн

ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(на материале произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова)

В данной работе мы попытаемся хотя бы частично устранить преграду между американской и русской культурой, анализируя русское понимание слова “любовь” для американских студентов, изучающих русский язык и русскую культуру. Американские студенты, читающие русскую литературу, будут обязательно встречать русское толкование понятия “любовь”, которое представляет собой специальный комплекс переживаний и чувств, типичных именно для русского человека. Поэтому **цель нашей работы** — описать составляющие концепта ‘Любовь’ в русской ментальности для преодоления культурных различий в американской аудитории.

Материалом исследования этой темы избрана любовная лирика А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова по двум причинам. Во-первых, чаще всего американские студенты, изучающие русский язык и литературу, занимаются известными произведениями русских писателей, и поэтому несомненно познакомятся с литературой двух самых известных поэтов — Пушкина и Лермонтова. Во-вторых, в любовной лирике этих поэтов существует яркое сходство в понимании любви. И хотя Пушкин и Лермонтов смотрят на любовь по-разному, но, несмотря на это, в их любовной лирике встречаются несколько общих для большинства русских людей трактовок чувства любви. В данной работе основное внимание уделяется отражению в любовной лирике поэтов мотивов самоотверженности, страдания и конфликта внутреннего и внешнего как главных составляющих понятия “любовь” в русской ментальности.

Актуальность работы: В настоящее время особое значение имеют такие понятия, как ментальность и когнитивность. В связи с этим обращение к особенностям понимания такой важной для социума категории, как любовь, в русском менталитете и рассмотрение её с позиций американского менталитета представляются особенно актуальными, как и анализ способов передачи основных идей произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Новизна работы: В отличие от многочисленных исследований, посвящённых любовной лирике А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, в данной работе рассматриваются основные категории, которые связаны с понятием “любовь” в русской ментальности. В связи с этим произведения указанных поэтов рассматриваются как источник информации о ценностной системе русского человека.

Так как рассмотрение данной темы под указанным углом зрения достаточно ново, найдено немного источников литературы по предложенной проблематике. Обратим внимание на несколько работ.

В. А. Маслова в работе “Филологический анализ поэтического текста” утверждает, что в поэтическом тексте “служит целям самовыражения автора, лирического героя... оценка и эмоция автора” [5, с. 13] и “в художественных текстах язык — орудие познания души человека, что позволяет моделировать в текстах очень сложные явления психики человека” [5, с. 14]. Мы согласны с мнением автора, и эта идея важна для нашей работы, т. к. она свидетельствует о том, что переживания лирического героя отражают внутренний мир самого поэта, а значит, и русского человека, и его миропонимание.

Маслова также утверждает, что “главный объект художественного познания мира в лирике — это внутренний мир человека, его восприятие жизни и эмоциональное отношение к ней” [5, с. 33].

Н. Л. Степанов в книге “Лирика Пушкина” много написал о творчестве Пушкина как модели человеческой жизни. Он пишет, что “лирика Пушкина шла от жизни, включая все богатство и разнообразие жизненных впечатлений” [8, с. 39]. Степанов также утверждает, что “в своей лирике, как и во всем своем творчестве, Пушкин говорил о самых больших и всегда волнующих вопросах — о любви и смерти, о судьбе народа, о прекрасном в человеке, о роли искусства” [8, с. 12].

Как в любовной лирике А. С. Пушкина, так и в лирике М. Ю. Лермонтова одной из основных составляющих понятия “любовь” в русской ментальности является страдание.

В стихотворении “Желание” А. С. Пушкина страдание выражено повтором слов с изменением значения. Слово “слёзы” повторяется два раза в одном стихе: “Я слезы лью: мне слезы утешение”, чтобы сделать акцент на том, что ему грустно: “Я слезы лью”, — но мы сразу видим, что он не знает, как описать свои чувства, потому что, хотя ему грустно, ощущение, что он влюблён, его успокаивает: “мне слёзы утешенье”. В этом стихотворении отражается внутренняя раздвоенность героя, который не знает, остаться грустным или признать, что те настоящие чувства, которые он испытывает, и есть то, что он ищет в жизни. В самом последнем стихе данного стихотворения “Пускай умру, но пусть умру любя” показано, что лирический герой готов умереть, чувствуя любовь, даже если он сам не любим. Итак, чувства являются самыми важными сторонами жизни русского человека, но в результате также являются причиной внутреннего конфликта, т. к. одновременно переживаются печаль и счастье из-за того, что человек имеет такие чувства.

В этом стихотворении оксюморон “горькое наслажденье” использован Пушкиным, чтобы подчеркнуть, что лирический герой не знает, горька любовь для него или сладка. Такой же вопрос встречаем чуть дальше в стихотворении, когда герой говорит, что “ему дорого любви... мученье”. Здесь важно понять, что для русского человека почти не имеет значения, счастлив ли влюбленный, потому что ему важно только то, что он любит, и этого ему достаточно.

Этот же прием Пушкин использует в стихотворении “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”:

*Мне грустно и легко,
Печаль моя светла.* [3, с. 45].

В этих стихотворениях Пушкина герой готов и будет страдать для любви, даже если видно, что любовь безответна, потому что его сердце *“не любить не может”*.

Анализируя лирику Лермонтова, мы видим, что в его произведениях также проявляется страдание героя, причём чаще и ярче, чем в пушкинской лирике. Например, в стихотворении *“Благодарю!”* также существует тема страдания. Таким образом, следует сказать, что это стихотворение отражает стиль, характерный для Лермонтова, т. к. страдание героя является самым сильным чувством.

Стихотворение состоит из четверостиший, в которых три строки говорят о хорошем в отношениях молодых людей, а последняя строка — о том, что плохо в этих отношениях. Так происходит в каждой строфе этого стихотворения, кроме последней, в которой данная форма переворачивается, и то, что отрицательно, переходит на первое место, а то, что хорошо, становится последней строкой. Это изменение порядка слов используется, чтобы подчеркнуть, что всё-таки герою хорошо, потому что он любит, и как указывалось в лирике Пушкина, это в жизни русского самое важное:

*О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!*

[3, с. 68].

В последней строке стихотворения *“Нищий”* употребляется слово, очень важное для русского понимания любви: *навек*. Благодаря употреблению этого слова, мы видим, что хотя герой разочарован, т. к. возлюбленная обманула его, но чувства остаются *“навек”* с ним. Следует сделать вывод, что любовная лирика Лермонтова показывает то, как русский человек действует в условиях любовного страдания: все чувства лирического героя к возлюбленной никогда не уходят от него. Эта идея вечной любви, даже если это неразделённая любовь, ярче проявляется в стихотворениях поэта *“Любовь мертвеца”* и *“Они любили друг друга так долго и нежно”*.

При анализе *“Любви мертвеца”* особый интерес вызывает идея, что любовь такая сильная, что это даже остаётся с человеком в раю. Это стихотворение является словами *“мертвеца”* (т. е. умерший человек, который говорит из рая) возлюбленной, которая жива. Он говорит ей, что, хотя он умер, *“любви... он не забыл”* [3, с. 37], и поэтому она *“не должна любить другого, нет, не должна!”* Он говорит, что даже если он умер, между ними *“разлуки нет!”* Таким образом, любовь для него не только самое важное в жизни, но даже после смерти является самым важным чувством.

Таким образом, мы видим две важных части русского понимания любви: не только, что любовь вечная, но также, что русский человек готов страдать навек для своей любви. Эта идея становится более ясной благодаря противопос-

тавлению земного и небесного. Лирический герой здесь сообщает возлюбленной, что в раю есть покой *“мира и забвенья”*, но нет ни её, ни её любви, и поэтому рай и все его блага ему не нужны: *“Что мне сиянье Божьей власти и рай святой?”* В раю он *“желает, ревнует, плачет”* без неё. О сам решил вспомнить её и, следовательно, страдать всегда, потому что на его взгляд как русского, ничего ни в жизни, ни в смерти нет важнее любви.

Эта же идея является, на наш взгляд, центральной в стихотворении *“Нет, не тебя так пылко я люблю”*, но это стихотворение даёт пример вечной любви и верности даже умершей возлюбленной.

На наш взгляд, следует также смотреть на самоотверженность лирического героя как неотъемлемое качество любящего человека в лирике Пушкина и Лермонтова. Самоотверженность проявляется очень часто в их стихотворениях, таким образом видна важность этой черты в русском понимании *“любви”*.

В лирике Пушкина самоотверженность может быть признана самой яркой характеристикой любви в стихотворении *“Я вас любил”*, в котором лирический герой страдает от невозможности быть равнодушным к возлюбленной, которую он больше не должен любить. Это стихотворение представляет собой монолог лирического героя к этой возлюбленной, которую он ещё любит: *“Любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем”* [7, с. 360]. Самоотверженность лирического героя проявляется в следующем стихе: *“но пусть она вас больше не тревожит”*, в котором он решает, что лучше ничего не говорить любимой и, следовательно, не печалить её, чем сказать, что он не может её забыть. Это решение — результат самоотверженности и уважения к чувствам другого человека.

Эта самоотверженность ещё ярче проявляется в этом стихотворении, когда лирический герой объясняет, как он её любил — *“безмолвно, безнадежно”*. Если мы посмотрим на эти слова отдельно, то, может быть, самоотверженность героя не будет видна, но нельзя смотреть на них отдельно, вне связи со следующими словами героя: *“Я вас любил так искренно, так нежно”*. Здесь есть и единство, и противоречие. Оба стиха начинаются словами *“я вас любил”*, т. е. структура мысли повторяется, и они рифмуются друг с другом. Пушкин пишет их таким образом, чтобы они были прочитаны вместе. Если читаем так, то самоотверженность становится особенно ясной: лирический герой любил её *“искренно и нежно”*, даже когда надежды не существовало.

Самое явное и, наверное, самое важное противоречие в этом стихотворении заключается в повторе местоимения *“Я”*, с которого начинается половина стихов этого произведения, в том числе и самый последний (т. е. самый важный), заканчивающийся словом: *“другим”*. Таким образом, существует оппозиция *“Я — другой”*, в данном случае решаемая явно в пользу последнего, т. к. именно это слово завершает монолог. Лирический герой в этом стихотворении говорит в основном о себе, о своих чувствах и желаниях, подчеркивая, как ему трудно забыть любимую, но в финале он просит Бога, чтобы тот дал ей другого, который может любить её не меньше, чем лирический герой: *“Как дай вам Бог любимой быть другим”*. Таким образом, самоотверженность является выбо-

ром героя и самой важной чертой любви в этом стихотворении.

Повтор слова “Я” и его оппозиция к последнему слову также используется Пушкиным, чтобы обратиться к понятию “самоотверженность” и в других его стихотворениях, к примеру, в стихотворении “Нет, нет, не должен я...”. В этом стихотворении опять говорится о любви лирического героя, которую он не может принимать, потому что он знает, что любить без сильных и тяжёлых чувств невозможно. Но в отличие от стихотворения “Я вас любил”, здесь употребляется вместо обращения к любимой внутренний монолог, показывающий конфликт между умом героя и его желаниями, его разум как бы против сердца. Это видно в описании его чувств: герой уже почти полюбил женщину, но он рационализирует причину, почему он не может любить: “не могу волнениям любви безумно предаваться; и сердцу не даю пылать и забываться” [7, с. 456]. В этом стихотворении говорится об осмыслении героем своей любви, и таким образом фокус на нём, не на возлюбленной. Этот фокус формализуется местоимением “Я” и формами глаголов первого лица во всем стихотворении: “не должен Я, не смею, не могу”; “я строго берегу”; “сердцу не даю”; “полно мне любить”; “не погружусь я”; “пройдет *передо мной*”; “ужель не можно мне”; и др. Но Пушкин, как мы уже видели в стихотворении “Я вас любил”, использует оппозицию этих слов и самого последнего стиха, в котором он ставит проблемы и желания лирического героя на второй план. На первый план выходит другой человек, который “милой деве даст название супруги”.

Когда мы анализируем любовную лирику Лермонтова, мы также видим самоотверженность, отражавшуюся в любовной лирике Пушкина. Даже если они разные люди с разными историями и понятиями о жизни, существует в их произведениях то же общерусское понятие любви, состоящее из разных чувств, и одно из них — самоотверженность. Но, безусловно, в любовной лирике Лермонтова мотив важности любви для русского человека чаще является описанием того, что плохо, если в жизни нет любви, чем того, что хорошо благодаря любви, как упомянуто в пушкинской лирике. К примеру, о самоотверженности лирического героя сказано в стихотворении “Молитва Странника” — молитва к Божьей Матери, в котором он просит “вручить деву невинную теплой заступнице мира холодного” [3, с. 28].

Во многих этих стихотворениях Пушкина и Лермонтова существует как внешний и внутренний конфликт влюблённого человека. Этот конфликт присутствует в стихотворении “Ты и Вы” Пушкина. Здесь страдание передано с помощью следующего поэтического приёма: оппозиции внутренних душевных порывов и невозможности их внешнего выражения:

И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю! [7, с. 327]

Внутренне герой чувствует одно, но говорит другое. При анализе этой оппозиции, когда видим то, что герой действительно думает, но не может сказать, для нас опять очень ярко проявляется идея страдания пушкинского лирического

го героя, увиденная нами выше в других стихотворениях поэта.

Данный конфликт между внешними проявлениями и внутренним миром человека также отражается в лирике Лермонтова. В стихотворении поэта “Без вас хочу сказать вам много...” мы можем видеть эту проблему. В этом стихотворении внутренний конфликт героя выражается в противопоставлении его желаний и действий в действительности. Он хочет “сказать [ей] много” и “слышать” её, но когда шанс появляется, он стесняется и ничего не говорит ей: “я в смущении молчу” [3, с. 325]. Мы видим указанный конфликт здесь, т. к. “без” неё он готов “сказать много”, но “при” ней он ничего не говорит. Таким образом, он страдает, потому что он никогда не может делать то, что он хочет, и поэтому любовь, разумеется, никак не осуществится.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова “К себе” является внутренним монологом лирического героя, в котором он пробует рационализировать свою любовь. В итоге, он не может это рационализировать, получается только спор в себе, между своим разумом и своим сердцем. Спор между разумом и сердцем, когда сердце хочет любить, а разум хочет отказаться от любви приводит к страданию героя оттого, что его сердце оказывается сильнее.

Выводы: 1) при анализе этих стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова проявляются черты мировоззрения, типичные для русского человека; на наш взгляд, черты, сходные в лирике Пушкина и Лермонтова, отражают русское отношение к любви; 2) самые яркие и, на наш взгляд, самые важные черты любви для русского человека — это страдание, самоотверженность, а также конфликт разума и сердца, т. е. внешний и внутренний конфликты русского влюблённого человека; 3) анализ ментальности русского человека необходим для того, чтобы показать американским студентам, изучающим русский язык и русскую культуру, как смотрит на мир русский влюблённый человек и его отношение к любви.

Литература

1. Эихенбаум Б. М. Статья о Лермонтове, — М., 1961.
2. Городецкий Б. П. Лирика Пушкина, — М., 1962.
3. Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы, — М., 2002.
4. Максимов Д. Э. Поэзия Лермонтова, — Л. 1959.
5. Маслова В. А. Филологический анализ поэтического текста, — Минск, 1999.
6. Наровчатов С. С. Лирика Лермонтова, — М. 1970.
7. Пушкин А. С. Оформление Т. Неклюдовой. — М., 1999.
8. Степанов Н. Л. Лирика Пушкина — М. 1979.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2005 г.